

ПЕРСОНАЛИИ

Айвис Гришко

Успенские медитации

Личность Сергея Успенского становится настолько легендарной, что не дает покоя редакции Альманаха. Это беспокойство витает в воздухе и обрастает новыми идеями.

В последнем телефонном разговоре Сергей Мазур дал понять, что эта тема не исчерпана. Что ж, возможно, это станет тем импульсом, что всколыхнет поток сознания, стремящийся к выплеску в предложенную форму. Но сумею ли я объяснить читателю, как обстояло дело в действительности? Ускользящий от исчерпывающего описания, образ С. Успенского может стать знаковым в переплетении замыслов и реминисценций, своеобразным рефлексивным упражнением в поисках многозначной точки.

Следует сказать, что это предложение застало меня на распутье, в процессе работы над новым эссе. Когда нахлынувшие воспоминания, размышления и догадки развеивают очередной фантазм, прорисовывается сюжетная линия, выстраивающая затаенные концепты и привычные понятия в прихотливый узор вопрошания. Поэтому неудивительно, что недосказанное в статьях и рассказах как бы переводится на непривычный язык еще не освоенного стиля.

Пока фамилия Успенского не стала нарицательной, застывшие фактом в официальных документах инициалы могут успешно перевариться в утробе контекстогенного мифологического существа. Непристойная отрыжка этого хтонического зверя духом непредвзятой разнузданности проникнет в платонические пещеры потенциально критика.

К счастью для непосвященных, у этого существа, наверное, есть глаза и уши, и природный разум, этими органами управляющий; его гибкий хвост укажет нам извилистый путь в лабиринте громоздких строений обветшалых «измов».

Поглощенный собиранием сочинений хрестоматийных философов в стройную линию позиций и оппозиций, я все-таки отвлекся на назойливо маячивший отблеск славы очередного персонажа. Должен признаться, что-то уже произошло. Произошедшее всколыхнуло тематические волны ожившей контркультурной реалии. Я словно оказался вовлеченным в чужое сновидение. Иногда, как и каждый из нас, в долгие периоды невежества, я принимаю это сновидение за свое.

На телеэкране претенциозный Бармалей хрипло распевает в компании отплясывающих дьяволиц. Пусть этот персонаж в свете адского огня позовет нас в сладостно-пугающее путешествие.

Успеняна

Следующая глава будет небезынтересная тем, кто

по-прежнему все еще озабочен шлифовкой своего мировоззрения. Надеюсь, потенциальный читатель не видит повода презирать музыку, литературу, живопись, несмотря на то, что они не могут изменить мир.

Тот, кого не могут убаюкать заключительные такты «Валькирии», не удивится тому, что предисловие становится послесловием, и наоборот. Минюя огонь и дым, и далекое, будто голос самой судьбы, звучание скрипок, мы погружаемся в навеянный легендами и слухами сон о Сергее Успенском. Постараюсь, по мере своей искушенности, стать режиссером этого сновидения и провести тропинку разъяснений по укромным местам этого мира. Что можем обнаружить мы в невзрачном здании, оказавшемся у нас на пути? Отголоски тревожных ожиданий и смутных опасений оставили следы в слегка очерченных силуэтах. Приглядевшись, можно различить какую-то надпись.

«Освободить наше воображение от всех несовершенных идей и взяться за формирование новых». «Разрушить все знание, приобретенное до этого, т. е. если оно не удовлетворяет, то оно плохое (как дом на плохом фундаменте)».

Подобные мысли становятся актуальными в эпоху перемен, когда отжившие идеи, дискредитировавшие себя точки зрения, терпящие крах мировоззрения и идеологии рассыпаются, затмевая горизонт пылью и прахом крошащихся обломков. В такое время только спасительный образ мыслей прокладывает себе дорогу среди руин и дымящихся останков некогда фундаментальных построений. Когда над головой не висит дамоклов меч и новых проблем не предвидится, остается следовать за движением мысли к возможному переустройству и формированию совершенных идей.

Но прежде чем что-то сформулировать, нашему герою пришлось ощутить драматичный разрыв между реальным положением вещей и зарождающимися идеалами. Пытаясь разглядеть в окружающем мире сокровенные основы восприятия, он, наверное, озадачивался несоответствием личностных смыслов неявным требованиям эпохи. Новые приоритеты сменявшихся идеологий, оценки окружающих, то, из чего складывается общественное бытие; как из всего этого вычленишь собственную систему ценностей?

Приступы отчаяния и недовольства выбивали из колеи, звали к борьбе и бунту, но все это лучше залить очередным стаканом спасительного пойла. Вопросы и недоумение остаются, это все-таки повод для построения модели, объясняющей пути скрытых замещений и декомпенсаций.

В моих воспоминаниях выстраивается образ застенчивого, самопоглощенного интроверта. Остаются

за кадром проявления воинственности, вызывающие позы, эксцентричные выходки. Все-таки Сергея У. временами болезненно задевали человеческая ограниченность, косность, давящие стереотипы. К тому же периодические запои обнажали его ранимую натуру.

Но документальность в нашем случае уже не так важна. Биографическую достоверность вытесняет цепочка образов, влекомая художественным вымыслом. Нелинейность повествования предыдущего текста обусловлена необходимостью в определенного рода приеме. Повествование, как, наверное, уже заметил вдумчивый читатель, ведется от лица некоего комментатора, находящегося где-то в обозримом будущем. Обсуждая и резюмируя все версии и варианты легенд, этот персонаж как бы олицетворяет «демиурга», создающего гипотетическую завершенность «объективности». Этим приемом обнаруживается новое измерение, сквозь призму которого можно разглядеть потенциальный масштаб личности Успенского.

Соотнесенная с этой всевозможностью, выстраивается вероятностная линия сюжета, словно ведомая пружиной недосказанного мифа. Все автобиографические фрагменты оцениваются в контексте проявленной мифологемы. Таким образом, скудость воспоминаний привела детективную историю к возможности обнажения конструкции мифа.

Неизбежность мистификации поставила меня в положение автора каких-нибудь «житий» или одного из безымянных хроникеров, бесхитростно приукрашивающих дошедшие истории слухами и закономерным вымыслом. В этом аспекте фигура Успенского в своей «достоверности» ничем не уступает, к примеру, образу Заратустры или пророка Мухаммеда.

Линейность воссоздания и описания логической последовательности событий, создающих объективность, помещена в сюжетный узел реконструкции истории тайного общества. Кто его знает, насколько заинтригованный читатель окажется вовлеченным в игру предположений и комментариев, в которой однозначность описываемого объекта как бы растворяется в необходимости смыслополагания очередной интерпретацией. Неопределенность содержания обнаруживает нюансы гротеска и иронии, оттеняемые скрытым пафосом воспоминаний. Своеобразный реквием по безвременному ушедшему исподволь охватывает затаенным трагизмом впечатленного читателя. Никто не удивится, если обнаружит сопричастность к тайной секте. Подернутое пеленой неразгаданной метафоры, зашифрованным знаком логической развязки успенианство приковывает к себе внимание требовательных поколений. Сновидческая фрагментарность запечатлена прихотливой мозаикой. Остается только разглядеть запрятанный гештальт в подспудной потребности произвольного комментирования зарождения легенды.

Впрочем, на этот раз перед читательским взором замаячили и обрисовались зыбкие контуры фантомов, навеянные Режиссером Сновидений. Ведь никогда нельзя с уверенностью сказать, что означает все происходящее. Теперь остается лишь предоставить слово персонажам, невольно сплотившимся вокруг фигуры незабвенного С. Успенского.

Мы взлелеем командира,
Он ответит за всех нас.
С полуслова, для эфира
Соберем иконостас.

В мысли зрелой не сокрыто
О блаженстве без прикрас.
Чай остынет, скиснет пиво,
Только правда не продаст.

Назову тебя Успенский

Есть истины, которые сегодня, с высоты наших знаний, кажутся совершенно очевидными, но было время, когда мы не знали их, а пытались представить облики будущего, еще спорили о чем-то. Мог ли наш герой предположить, какие пути ухода из жизни предоставит ему злой рок? Теперь же каждый из нас, вспоминая о нем, легко восстанавливает в своих мыслях печальные события тех дней.

Скорбные мысли и оброненные фразы, урна с прахом опускается в могилу; гулким эхом отдает горловое гудение поминальной мантры. Что же могут означать эти странные звуки непонятных тибетских слов?

«Помни, где только есть место – везде есть сознание. Где только возникает сознание – тут же обнаруживает свое присутствие Дхарма-Кайя, предвечный закон. Если сумеешь так поступить – ускользнешь от рождения в худом мире.» «Однако противься смиренно, с верой и без злобы...»

Как много зависит от нашего внимания, воскликнет кто-то из нас! Он благоговейно представит себе светозарные фигуры богов одного из возможных пантеонов. И уже нельзя не заметить эфемерный облик восседающего на невидимом троне Режисера Сновидений.

Никто теперь не скажет, что начать этот рассказ вроде бы легко, когда своя история уже не интересуется. . . Остается только кивнуть головой в знак того, что у меня есть терпение, или хотя бы, что я человек воспитанный.

Итак, поворачиваю, наконец, воображаемый тумблер, настраивая внутреннее зрение на поиск одного из заманчивых и причудливых миров. Мелькающие серые пейзажи завораживают таинственной суровостью, но и они нуждаются в тюнинге.

Я нахожусь перед рыжеватыми стенами куполообразного строения, покрытыми еле заметными трещинами. Я уже сожалел о том, что мне нечем было выразить невозмутимость, как дверь предо мной отворилась. Я выхожу на середину затемненного зала, широкая лестница ведет меня в заветные покои.

Проходя по изогнутому коридору, я не мог не задуматься: смогу ли я теперь представить его таким, каким он запомнился в тот вечер своим случайным знакомым, как всегда навеселе, совсем не надменным. Войдя в одну из комнат, я не удивился, обнаружив фигуру, похожую на манекен, безвольно откинувшуюся в причудливо выгнутом кресле. Вогнутые зеркальные стены остались невинно безмятежными. Подобно вампиру, я в них даже не отразился. Придется войти в эту роль, невидимыми клыками впившись в новую реальность, впитывая липкий поток впечатлений. Подойдя поближе, нельзя было не заметить, как незримая рука

вывает на безликой кукле знакомые черты. Мне показалось, что он даже приветливо улыбнулся. Да, говорю и я, я его знал. Что это значит? Я представлял его себе, а теперь он отшвыривает мне мои представления назад, как хлам; ему не нужно было больше историй, как не нужно одежды.

И теперь новая возможность вырисовывается на этой обнаженности. И уже точеной монументальностью проступают упрямые скулы на этом обличье. Но как найти критерии узнаваемости? Я думаю: человек что-то испытал, теперь он ищет историю того, что испытал...

Но, словно предвосхищая будущую историю, наш персонаж приподымается; в его телодвижениях угадываются остатки недоговоренности. Когда игра становится ненужной, каждый жест напоминает о том, что мы многое не замечаем.

Знакомый прищур появляется вслед за многозначительной усмешкой. О нет, он не мечтатель, он знает, что индивидуальными действиями мир не революционизировать – об этом есть что сказать, но, кажется, он в самом деле не видит, что блюдо его судьбы давно подано. Смогу ли я разглядеть тех, кто вкусил это блюдо?

Неяркий свет выхватывает мимолетную гримасу. Смутные образы появляются в зеркалах. Чуть заметное беспокойство отображается в резко очерченных силуэтах. Багровое чудо, застывающее гротескным обличьем, кажется по-своему прекрасным. Слово позабытая мелодия врывается в сознание отчаянным тремоло. Размытым фоном проступают зрелища пережитых боев. Кажется, он в полном замешательстве. Надо надеяться, что мы ничего не забудем. И вот он в роли полководца, стоит посреди комнаты, скрестив руки.

Он уже справился со своим смущением, и ему это идет. Между тем, смывая нахлынувшую досаду, в зеркалах уже видны проблески светил надежды. Он нехотя надевает знаменитую жилетку.

Постепенно мы можем обнаружить, что начинаем это смаковать. Почему он производит не грустное, а умиротворяющее впечатление? Самое главное: что бы ты ни увидел, внутренне воздерживаться от всяких суждений.

К счастью, наш персонаж поспешно покидает комнату и выходит в коридор. Он проходит мимо ряда дверей, скрывающих неизведанное. Его рука в лиловой перчатке протягивается к ручке очередной двери; дверь оказалась не запертой. Он очутился в просторном помещении, вдоль стен располагались старомодные кресла. Перед ним замельтешил взбудораженный сгусток света. Постепенно сгусток оформился в вереницу зыбких силуэтов. Наконец, силуэты разделились и застыли глянцевыми образами, окружив нашего героя.

Молча, с затаенным вопросом во взоре, он разглядывал эти голограммы. Слева от него светилась фигура девы с позолоченными выпуклыми грудями. Ее хорошенькое личико покрылось морщинами, превращаясь в отталкивающе-старушечью физиономию. Высунулся язык, оказавшийся ящерицей, держащей во рту непонятный символ. Справа фигура человека в бархатном балахоне с каббалистическими знаками протягивает солидный фолиант и лиру. Причудливо изогнутые рога придают ему таинственный вид. Но на нашего героя уже несется мотоциклист в угловатой каске, держащий

зловеще ревушую бензопилу. Промчавшись по комнате, он исчезает.

Речь идет теперь не об Успенском, как мы видим, а о том, почему вообще такой человек оказался в подобном месте. Сейчас он строптиво молчал, как бы не соглашаясь, что он – олицетворение невинности. Почему никто не подавал ему шляпы? Но ему не хотелось ждать, когда появится кто-нибудь, чтобы потребовать документы. Он считал себя полноправным хозяином положения.

В дальнем углу комнаты он заметил ширму. Недолго думая, подошел, решительным движением раздвинул ее. Приглядевшись, разглядел, округлый выступ. Несмело нажал на него; раздался звук, похожий на противный скрип, стена двинулась, образовался неширокий проход. Он все-таки решил протиснуться и вошел в манящую неизвестность. Пройдя по тесному коридору, он оказался в уютном зальчике. Интимный полусвет придавал помещению пикантную загадочность. Посреди зала возвышался постамент с тихо журчащим ниспадающим потоком воды. Он осторожно проходит по залу, нерешительно озираясь. При этом он о чем-то думает, я вижу, думает непрерывно. Что уж тут думать. Если смерть, сколько ни думай, воображению не поддается, приходится предаваться очередному видению этого подобия жизни.

Я представляю себе: Успенский упал и катится по берегу канала, еще не ощущая страха, что он умрет...

Но теперь он, как и всегда, видит перед собой задачи, которые и для него трудны. При всем уважении к его тайне становится безразлично, кто может составить ему компанию. Но то, что кто-то появится – вот что сомнению не подлежит.

И вот, пожалуйста, неожиданно проскальзывает чья-то тень и вырисовывается характерный силуэт. У нового персонажа вид вполнемышленный, только произвольное вздрагивание в уголках рта и порой вспышки в глазах выдают его нетерпение. Он даже кажется разозленным, этот большеголовый человек небольшого роста. Рыжеватые волосы спадают на белый воротник старомодного камзола. Хищные черты лица сложились в мимолетную гримасу, суетливым жестом он приглашает нашего героя следовать за ним. Но Успенский смог заподозрить в нем одного из прозорливейших людей в истории человечества.

Он проходит вслед за незнакомцем в неприметную нишу. Там их поджидают уютные сидения и скромный столик. Подспудная свобода придает этой истории не больше значения, чем самоупоенные случайные зрители: у них другие заботы. Они ведь никогда не думают об этом больше минуты. Но вернемся теперь к нашим героям.

Успенский словно читает на лице собеседника закономерный вопрос: «Вы хотите спросить у меня, кто я? Отвечу, я тот, который сомневается...» Незнакомец нетерпеливо его перебивает: «Но являетесь ли вы тем, что именуется своим телом? – Успенский, похоже, немного смутился. – Не знаю даже, могу ли я с уверенностью сказать, обладаю ли я каким-нибудь телом. – В самом деле, любезнейший, чувства часто обманывают нас, у нас нет даже достоверного знания о существовании собственного тела. Более того, я мог бы быть

покинувшим тело духом, которому снится, что он человек».

(Пытливый читатель мог бы заметить, что подобные сомнения для новоявленного фантома вовсе небезосновательны.)

Лицо Успенского озаряет внезапная усмешка: «Но стоит признать, что мой разум, мой опыт существуют несомненно и достоверно».

Они вроде даже и не представились друг другу. Но тем не менее, не зная друг друга в такой степени, которая превосходит всякую возможность знания, было прекрасно. Таинственный незнакомец между тем заметил: «Если же я сомневаюсь в том, что мыслю, то по крайней мере достоверно то, что я сомневаюсь. – Успенский подхватил эту мысль. – Таким образом, справедливо также то, что если какие-то идеи, взгляды, убеждения мне кажутся недостаточно обоснованными, я имею право подвергнуть их сомнению. – Вас не смущают, друг мой, даже традиция и авторитеты? – Знаете ли, я часто прихожу к мнению, что всякий философствующий в определенный момент жизни осознает себя преступником. Хотя бы по отношению к господствующим взглядам, порядкам и общественному мнению. – Это не случайно! Ведь пока мы не обладаем достоверным знанием, весь чувственный мир достоин нашего интереса не более, чем любая иллюзия или сон. – Я считаю, все житейские передраги и страдания не имеют какого-либо смысла, если не приводят к необходимости работы над собой. Эта работа как раз и помогает обрести то спасительное знание, которое становится методом».

Тут собеседник Успенского хищным движением подается вперед. На его лице можно было прочесть такую знакомую точку зрения: «Стоит ли тратить время на исправление картины сущего? Не лучше ли стереть все нанесенные черты для достижения ясности взгляда? Часто ли вам, любезный, приходилось мыслить без картинок неумных представлений? – Я отвечу так: пытаюсь мыслить о сути, как того требует сущность самой вещи, я оказываюсь изумленным, находясь перед возможностью постижения установок ума. – Согласитесь, что в некотором смысле достаточно сомневаться и мыслить, чтобы обрести понимание само по себе».

Лица Успенского уже не видно, как и много из того, чего не видит свобода самовыражения. Его хрипловатый голос раздаётся, словно из первобытного мрака: «Опорожненное, не сформированное, не заполненное чем-нибудь, картинками или впечатлениями, – воспринимает само себя. Оно и есть настоящая Реальность. Благодать».

Любые цитаты, простираемые из самодовольства обыденного, свиваются в прихотливые сооружения осмысленного. Когда замороженного читателя настигает привычно ползущее прошлое, предлагающее сделать последнее усилие, чтобы освободиться от всего, что называют личным, он вновь обретает интерес к мировым проблемам. На фоне этих проблем наши герои размываются многозначными силуэтами. И теперь можно заметить образы приближающихся волнений, томлений и потрясений, сгущающихся в грозно трепещущий комок. Приближаясь, этот сгусток приобретает вид пугающе-

странного зверя. Из его многочисленных голов струятся испарения дерзновенных вожелений. Любое наше замешательство делает его целым и невредимым и наполняет неистовой свободой.

Кажется, этот дракон никогда не летел так медленно. Это значит, он никогда не опоздает. Счастье читателя в том, что он не осмелится заглянуть ему в глаза. Мне остается только окинуть прощальным взором этот фантазийный пейзаж, стремительно исчезающий, словно смыаемый пронсящим сомнением.

Откуда ноги растут...

Возможно, случайному читателю непонятно, куда автор гнет и к чему эта канитель с неожиданными персонажами, но это все равно интересней, чем разбирать головоломки. Автор намекает, что это необходимое дело, обязанность читателя – пройти этот путь и познакомиться с новыми героями.

Действительно, иной раз хочется сказать, что всех персонажей этого сюжета вовлекла и собрала в прихотливый клубок какая-то хитроумная игра со своими не всегда понятными правилами. И теперь, пытаясь распутать этот клубок, постараюсь в очередной раз проследить контекстуальную нить этого хитросплетения. В моей памяти вырисовываются и очерчиваются зыбкими образами герои тех уже позабытых историй. Вот чего не могу понять: чего им так не терпится оказаться на страницах этих воспоминаний.

Он иногда предстает перед мысленным взором таким основательным и внушительным; плотного сложения, с округлыми и простоватыми чертами лица. Несмотря на показную веселость и ерничанье, в нем скрывалась ранимая и впечатлительная натура. Коротко стриженный, Сашка походил на бандита, но оказывается, он успел побывать по другую сторону баррикад.

День за днем мы ходили в тумане смутных надежд в поиске просветления и упоения загадками мироздания. Тут никто не сигнализировал свистком предостережения и веревок подвоха не натягивал; оставалось только зацепиться за что-нибудь глазами намерения, чтобы не пропасть. Впрочем, мы понимали, что в стенах пивбаров мы обязаны подчиняться негласным правилам пивной откровенности. Необязательная задушевность промывала пробивавшуюся четкость историзма психологических парадигм. Когда с губ готовы сорваться ставшие сокровенными понятия книжек Кастанеды, что же маячит связующим звеном обрывочных впечатлений и притягательной недоговоренности? Вожеленные сосуды, наполненные влагой, готовой поглотить жажду всезнайства. Нечаянные фразы, подспудно устремленные к непромолвленному Слову, принимают формулировки, предложенные неслучайными авторами и выглядящие довольно рационально.

Скрываемая прагматичной прямолинейностью, Сашкина воодушевленность располагала к компанейству, выливавшемуся в обсуждение общих знакомых, хохмы и стеб. Однако смутная тяга к интимной задушевности не требовала подготовительных мер, и появившийся в поле зрения С. Успенский оказался недоосознанным путеводителем в мире спонтанных прозрений.